

Я отвергаю всемогущество государства, его вмешательство и регламентацию и провозглашаю независимость нравственного закона индивидуума. Покуда присущий человеку инстинкт самосохранения ведет к эгоизму, природа имеет к нему корректив, наделив человека другим инстинктом — инстинктом общественности.

Когда люди станут достаточно благоразумными, тогда они объединятся через границы и создадут космос.

Зенон

Воробьиная элегия

У крыльца воробьи с наслаждением
Кувыркаются в листьях гнилых...
Я взираю на них с сожалением,
И невольно мне страшно за них:

Как живете вы так, без правительства,
Без участков и без податей ?
Есть у вас или нет права жительства?
Как без метрик растите детей?

Как воюете без дипломатии,
Без реляций, гранат и штыков,
Вырывая у собственной братии
Пух и перья из бойких хвостов ?

Кто внедряет у вас просвещение
И основы моралей родных ?
Кто за скверное вас поведение
Исключает из списков живых ?

Где у вас здесь простые, где знатные?
Без одежд вы так пресно равны...
Где мундиры торжественно-ватные ?
Где шитье под изгибом спины ?

Нынче здесь вы, а завтра в Швейцарии,
Без прописки и без паспортов
Распеваете вольные арии
Миллионом незамкнутых ртов...

Искрошил воробьям я с полбублика,
Встал с крыльца и тревожно вздохнул:
Это даже, увы, не республика,
А анархии дикий разгул!

Улетайте... Лихими дворянами
В корне зло решено ведь пресечь,
Не сравняли бы вас с хулиганами
И не стали б безжалостно сечь.

САША ЧЕРНЫЙ, 1913г.

" Если есть дьявол во всей человеческой истории,- так это властнический принцип. Он один вместе с тупостью и невежеством масс, на чем, впрочем, он всегда основывается и без чего бы не мог существовать, он один породил все несчастья, все преступления и все постыдные факты истории."

Михаил БАКУНИН

ЧТО НАМ ДАДУТ ВЫБОРЫ?

НИ ХРЕНА!

Идея выборов, как "благодатной почвы демократии", глубоко внедрена в сознание большинства людей. Уже в школе малых детей развращают, приучая к голосованию, к тому, что большинство всегда право. Пресса, телевидение, радио постоянно привлекают внимание к политикам и всему, что с ними связано, особенно к избирательным кампаниям. Неудивительно, что многие до сих пор воспринимают выборы как свое священное право и свой долг перед обществом.

Эти наивные доверчивые простаки считают, что государство тратит миллиарды лишь с одной целью: привести к власти истинных радетелей об интересах народа.

Жить нам с вами становится все "веселее". Но нет худа без добра. Сегодняшние жесткие условия жизни многим открыли глаза. Выборы дают полномочия только политикам, но никак не избирателям.

А нам по-прежнему твердят, что через выборы мы участвуем в управлении государством. Мало того, что это гнусная ложь. Границы даже такого "участия" строго очерчены властями, которые устанавливают "правила игры" : сроки и условия голосования. С этой целью действует целая сеть вспомогательных механизмов одурачивания: политические партии, объединяющие разномастных властолюбцев, манипуляции новостями, реклама, множество приемов управления сознанием избирателей и формирования общественного мнения. Кандидатов рекламируют, как стиральный порошок.

Вся эта возня имеет одну цель : направить политическую активность масс в русло, безопасное для государственных чиновников. Голосование --- прекрасный способ обуздания огромной и небезопасной для государства преобразующей энергии человеческого общества. До сих пор на все попытки людей иными способами изменить положение вещей властьимущие заявляют, что следует действовать через "общепринятые" каналы, используя мифическое "право голоса".

Как это ни парадоксально, исторический опыт доказывает, что введение института голосования и расширение избирательных прав приводят к усилению государственной власти и сокращению прав и свобод личности. Еще не так давно (конечно, по историческим меркам) все то, на чем держится современное государство, было бы встречено населением с большим сопротивлением. Народ не стал бы платить многие современные налоги, отказался бы служить в армии по поголовному призыву, безоговорочно принимать законы, реформы, указы, бьющие по людям.

Государственные чиновники, конечно же, преподносят расширение избирательных прав как огромное достижение демократии. Фактически же расширение избирательных прав уменьшает способность населения сопротивляться государственным повинностям.

Голосованием никогда не оспаривалось бесчеловечное право государства на использование насилия в своих интересах, на внутриполитический контроль, на защиту бюрократических привилегий. Путем голосования никогда не ставилось под вопрос право государства вытягивать из населения последние крохи денежными реформами и прочими, не менее мерзкими способами.

Выборы лишь создают благоприятное впечатление, будто власти служат интересам народа. В действительности эта ширма помогает скрыть существующую в реальности систему пастухов и стада.

Вывод напрашивается единственный : система выборов создана государством, опирается на государство и укрепляет его власть над обществом.

В последнее время все больше людей если не понимают, то интуитивно чувствуют недоверие и отвращение к этой системе. Власти тут же отреагировали на эту общественную тенденцию. Был резко снижен минимальный процент участвовавших в выборах избирателей, при котором выборы считаются состоявшимися. Закон допускает, что от имени народа будет действовать и принимать решения человек, которого поддержали ноль целых, хрен десятых процента избирателей.

Не надейтесь, что вы сможете переиграть власти, подчинившись правилам, которые они вам навязывают.

Есть только один способ достойно ответить на этот унижающий народ глобальный обман - бойкот выборов.

МИШЕЛЬ

tèt-a-tèt

Мы жестко связаны с тобой. Ты эту связь не ощущаешь. И я ее не чувствую, пока мы оба признаем закон друг друга. Я не вхожу в твой круг без твоего согласья, а ты не входишь в мой. Нам не нужны законы государства. Я — сам себе правительство и власть, и никому не отдаю свой голос, чтоб кто-то где-то за меня решал, что хорошо, что плохо для меня. Я знаю это лучше любого депутата, президента, пусть будет он семи пядей во лбу. Он для меня — чужак и самозванец. Я не настолько глуп, чтоб позволять ему решать все за меня там, в коридорах власти.

И не было б мне дела до него, когда б не требовал он от меня, чтоб я его решенья исполнял. И не грозил бы мне своею государственною силой, кнутом полиции, суда, тюрьмы и штрафа.

По липовому праву большинства, которое он будто представляет, доказывает с пеною у рта, что он печется о моем же благе. И запрещает мне свободно ехать, куда хочу, не попросив на то его согласья. И заменяет универ — казармой. И требует, чтоб присягал ему и выполнял его приказы. И убивал, и унижал, и унижался, и мучился от ран и голодал вдали от дома. И зная это, чтоб плакала ночами моя мать, тревожась за меня и проклиная злую долю.

Но виновата ли судьба, когда мы сами так покорны? Мы соглашаемся терпеть, боясь, что будет хуже. Мы все надеемся, что там, у власти, умнее нас и лучше люди. Что они получше нас, и грешных, и неумных, знают, как лучше будет для тебя и для меня, и твоего соседа, и его жены, и сотен тысяч, миллионов граждан.

И каковы пройдохи! Сумели ж сделать так, что в эту откровеннейшую чушь поверили десятки миллионов.

Но я в нее не верю. Нашел возможность я узнать другое мненье. Оно совпало с подсознательным моим сомненьем в совершенстве мира, где правят единицы, обманом получив доверие других.

Мошенники от власти втираются в доверье к вам, доказывают неизбежность государства, его необходимость и полезность. Ответственность за преступленья, за насилье они так ловко распределили меж всеми нами, назвав нас гражданами государства.

Но нет ответственности коллективной. Каждый решает сам и отвечает сам. Для этого необходимо мужество свободного от рабства человека. А те, кто наверху — рабы системы. Они прикрылись, как щитом, враньем об интересах государства. Но интересы государства — блеф, выдумка, сознательная ложь, лапша на наши уши. За этими высокими словами — лишь низменные интересы тех, кто кормится у госкорыта.

Стоит лишь понять простую эту истину всем нам, землянам, — и исчезнут государства. Они сильны лишь нашей верой в то, что по-иному жить нам невозможно.

Граф Толстой, Прудон, Бакунин, Штирнер, князь Кропоткин, Зенон, Рабле, Аристопос — их сотни: мыслителей, философов, ученых, что верили в величье человека. В мир без насилья. И он — будет.

Анархия свершится.

К.А.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ЛУНА ЖЕСТКО СТЕЛЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

— Мануэль, хлопче... То есть, простите, сеньор О'Келли, не возглавите ли нашу революцию?

— Я?! Спаси готт, нихьт. Я не мученик за пропащее дело. Просто поговорили о схемах.

Ваечка вскинула взгляд.

— Манни,— сказала она железным голосом.— Мы тебя выдвинули. Решено и записано.

Хер там «решено и записано».

— Мануэль, не суетись,— сказал проф.— Нас здесь трое, совершенное число, имеет место разнообразие талантов и опыта. Красота, возраст и зрелая мужская инициатива...

— Нет у меня никакой инициативы.

— Мануэль, будь добр. Давай всесторонне разберемся, а потом уже будем решать. И дабы облегчить сие занятие, дозволительно ли будет спросить, имеет ли место запас напитков в этом приюте бездомных? У меня есть пара флоринов, которые я мог бы пустить в струю торговли.

За последний час это были самые осмысленные речи.

— Как насчет «Столичной»?

— Звучит,— сказал проф и потянулся за сумкой.

— Столик, накройся,— сказал я и заказал две полбанки и лед, поскольку томатный сок у нас остался от завтрака.

Когда мы содвинули и приняли, я спросил:

— Кстати. Проф, что думаете насчет первенства? Если скажете, что «Янки» его не возьмут второй раз подряд, готовьте деньгу.

— Мануэль, твои политические взгляды?

— Глядя на ихнего новичка из Милуоки, тянет поставить на них.

— Иногда человек не в силах их точно высказать, но расспроси его по сократическому методу, и выйдет, что он знает, на чьей он стороне и почему.

— Я ставлю за них три против двух.

— Чего-чего? Ты спятил, юноша! Сколько?

— Триста. Гонконгских.

— Идет. К примеру, при каких обстоятельствах государство имеет право ставить свое благо выше блага своего гражданина?

— Манни, если ты настолько дурью маешься, может, наскребешь еще пару сотен? А то мне нравятся «Филики»,— спросила Ваечка.

Я уничтожил ее взглядом.

— Еще не наспорилась со мной?

— Иди на хер! Насильник.

— Проф, как я считаю, нет и быть не может обстоятельств, позволяющих государству ставить свое благо выше моего.

— Добро. Имеем исходную позицию.

— Манни, это в натуре эгоизм,— сказала Ваечка.

— А я и есть эгоист.

— Не гни горбатого. Кто меня выручал? Совершенно чужого человека. И не попытался этим воспользоваться. Профессор, он меня не поимел, а уговорил. Манни — рыцарь в лучшем смысле.

— Sans peur et sans reproche*. Знаю. Мы с ним не первый год знакомы. Что вполне совместимо с его высказыванием.

— А вот и несовместимо! Не с теперешним положением вещей, а с тем идеалом, к которому мы стремимся. Манни, Луна — это и есть государство. Пусть еще не суверенное, пусть мы по сю пору граждане других стран. Но я часть лунного государства так же, как и твоя семья. Ты отдал бы жизнь за свою семью?

— Эти две вещи не связаны.

— Еще как связаны! В том-то и дело.

— Нихьт. Уж я-то свою семейку сто лет как знаю.

— Сударыня, драгоценнейшая, я должен вступиться за Мануэля, хотя, быть может, он не в состоянии четко выразиться. Разрешите задать вопрос? При каких обстоятельствах группе с точки зрения нравственности дозволительно совершать действия, которые, соверши их член той же группы в одиночку, считались бы аморальными?

— Профессор, это софистика.

— Не софистика, а самый что ни на есть ключевой вопрос, дорогая моя Вайоминг. Коренной вопрос, нацеленный в самую основу всей дилеммы государства и правительства. Человек, честно ответивший на него и готовый снести всё бремя последствий своего ответа, знает, на чьей стороне стоит и за что отдает жизнь.

Ваечка насупилась.

— Аморальные, когда их совершает член группы в одиночку,— сказала она.— Профессор, а каковы ваши политические принципы?

— Дозволительно ли будет вперед спросить, а каковы ваши? Если вы в состоянии заявить их?

— Еще как в состоянии! Я, как и большинство членов организации, принадлежу к Пятому Интернационалу. Мы не отвергаем попутчиков, мы за единый фронт. Среди нас есть коммунисты, есть Четвертый Интернационал, есть раддиты, социал-конструктивисты, монофискалисты, кого только нет. Но я не марксистка, у Пятого Интернационала прагматическая программа. Мы за частную собственность, где она уместна, за общественную, где она необходима, мы признаем, что всё зависит от обстоятельств. Никакого доктринерства.

— Вы признаете смертную казнь?

— Смотря за что.

— Ну, скажем, за измену. За измену Луне после того, как вы ее освободите.

— Надо знать, в чем состояла измена. Пока я не разберусь в обстоятельствах, однозначно сказать не могу.

— Точь-в-точь как и я, драгоценнейшая моя. Но я за смертную казнь при некоторых обстоятельствах, однако с одним отличием. Я не стану искать судилища. Я сам проведу процесс, вынесу приговор и исполню его лично, будучи готов нести за это всю полноту ответственности.

— Но-о, профессор, так каковы же ваши политические убеждения?

— Я рационал-анархист.

— Таких не знаю. Знаю анархистов-индивидуалистов, анархокоммунистов, христианских анархистов, философствующих, синдикалистов, либертарианцев. А что такое рационал-анархизм? Рэндизм?

— С рэндитами я мог бы ужиться. Рационал-анархизм считает, что такие понятия, как «государство», «общество» и «правительство», могут иметь реальное содержание, только будучи воплощены в действия индивидов, ответственных перед самими собой. Невозможно возложить ответственность, разделить ответственность, рассредоточить ответственность, поскольку ответственность и вина существуют лишь внутри и только внутри каждой личности — ни в коем случае не вне ее. Но, будучи рационалистом, рационал-анархист признает, что не все индивиды разделяют его взгляды, и поэтому пытается вести совершенный образ жизни в несовершенном мире, понимая неосуществимость своих идеалов, но не обескураженный сознанием собственного поражения.

— Во! Во! — воскликнул я.— «Неосуществимость своих идеалов»! Тик-в-тик то, чему я учился всю жизнь!

— И научился до упора,— сказала Ваечка.— Профессор, всё это красиво звучит, но есть кое-какие скользкие места. Не слишком ли много власти вы готовы на словах доверить индивидам? А на деле вряд ли вы доверили бы контроль над ракетами с водородными боеголовками какой-нибудь безответственной личности.

— Я считаю, что все личности суть ответственны. При любых обстоятельствах. Поскольку водородные бомбы существуют,— а они существуют,— кто-то осуществляет контроль над ними. С точки зрения нравственности не существует такого понятия как «государство». Существуют люди. Индивиды. И каждый из них отвечает за свои действия.

— Кому позарез добавить? — спросил я.

Ничто так быстро не идет под политические споры, как алкоголь. Я заказал еще полбанки.

Я в это дело не лез. Меня мало трогало, что мы «прах под Железной пятой Главлуны». Я выставлял Главлуну, как хотел, а в остальное время о ней не думал. Не думал избавиться от Главлуны, поскольку невозможно. Иди своим путем, делай свое дело, а прочее тебе до лампочки.

Не дюже роскошно жилось, эт' правда. По эрзлинским нормам, мы были голытьба. Если что-то шло только по импорту, старались обходиться без. Не думайте, что тогда были по всей Луне люки-автоматы. Ведь даже персональные гермоскафы шли с Терры, пока еще до моего рождения один хитрый китаёза не сообразил, как собезьянничать копию получше и попроще. Засунь двух китаёз в одно из нашенских морей — они разбогатеют, продавая друг дружке каменюки, причем каждый вырастит по дюжине детишек. А потом индюшка продаст по дешевке в розницу то, что купил у них оптом, и тоже разбогатеет. Мы к такому привыкли.

Я этой роскоши на Эрзле повидал. Не стоит она того, что из-за нее терпят. Я не про силу тяжести, она эрзликам до фени, я про бессмыслицу. Всю дорогу «кукан моа». Если бы то дерьмо, что они берут на душу, да было гуано, то годовой нормы одного эрзлинского города, доставленной на Луну, хватило бы решить нашу проблему с удобрениями на тыщу лет вперед. «Делай то-то». «Не делай того-то». «Стой за чертой». «Без справки об уплате налогов не обслуживаем». «Заполни анкету». «Предъяви лицензию». «Представь в шести экземплярах». «Только на выход». «Влево поворота нет». «Вправо поворота нет». «Уплата штрафа в порядке общей очереди». «Без печати недействительно». Сдохни, но вперед получи на то разрешение.

Ваечка шерстила профа адски, тоже мне всезнайка. Но проф больше интересовался вопросами, чем ответами, и это сбивало ее с толку. Наконец она заявила:

— Профессор, не могу вас понять. Мне всё равно, что вы называете «правительством», я хочу, чтобы вы ясно перечислили, какие правила вы считаете обязательными в качестве гарантии равной свободы для всех и каждого.

— Сударыня, драгоценнейшая, я с удовольствием соглашусь с вашими.

— А по-моему, вы никаких не признаете.

— Совершенно верно. Но соглашусь на любые, которые вы сочтете необходимыми для обеспечения своей свободы. Я и так свободен, какие бы правила меня ни окружали. Если я нахожу их терпимыми, я их терплю. Если я нахожу их несносными, я их нарушаю. Я свободен, потому что знаю, что только я один несу моральную ответственность за то, что делаю.

— Вы соблюли бы закон, необходимый по мнению большинства?

— Сначала скажите мне, какой именно, драгоценнейшая, и тогда я вам отвечу, соблюл бы или нет.

— Вы всё время уходите от ответа. Каждый раз, когда я ставлю вопрос в принципе, вы уходите от ответа.

Проф скрестил руки на груди.

— Простите меня и поверьте, дорогая моя Вайоминг, я готов на всё, лишь бы вы были довольны. Вы говорили о единстве фронта со всеми, с кем вам по пути. Достаточно ли того, что я желал бы видеть, как Главлуну спроваживают с Луны, и ради такого апофеоза — жизни не пожалею?

Ваечка засияла.

— Само собой, достаточно! — она ткнула профа кулачком под ребра, но — нежно, обняла и поцеловала в щечку.— Камрад! Железно договорились!

— Ура! — сказал я.— Пшли, надыбаем Вертухая и ликвиднем!

Идея была, по-моему, самое то. С недосыпу-то и с перепою.

Проф налил нам доверху, поднял свой фужерчик и торжественно объявил:

— Камрады! Да здравствует Рреволюция!

* Sans peur et sans reproche (франц.) — без страха и упрека.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Анархическая утопия

в зеркале западной фантастики

По всему миру существует десятки журналов, кружков, издательств и анархических групп, носящих имя "Анаррис". Это имя звучит, наверное, слишком загадочно для людей старшего поколения. Но книга, из которой оно взято: "Изгнанники с другой планеты", рассказывающая о взаимоотношениях двух планет-близнецов — капиталистической Уррас и анархической Анаррис — это, без сомнения, один из бестселлеров анархической литературы последнего десятилетия.

Не случайно "Изгнанники с другой планеты" стали бестселлером. Потому что фантастика — это в первую очередь создание миров не только гипотетических, но и вероятных. Хотя в массовом сознании фантастика ассоциируется прежде всего со "Звездными войнами", этими фальшивыми мирами, которые сродни фальшивым алмазам.

В литературных утопиях, таких, как книга Ле Гуин или Френка Рассела "Галактика, которая движется", авторитарное общество в скором будущем ожидает технократический кошмар, когда наша свобода станет пустой формальностью, когда государство колонизует наш внутренний мир, а потом государственный контроль станет основываться на наркотиках рассказывает Филип Дик , а инакомыслящие будут обречены на вечное бродяжничество вторит ему Теодор Старджон .

Фантастика - это не только описание альтернативных социальных моделей, — это в большей степени исследование на границах литературного пространства, исследование с использованием новейших парадоксов, открытых современной наукой, или открытий, сделанных в других мирах, другими разумными существами, другими инструментами.

Поэтому фантастика — это тот жанр литературы, который, начиная с 60-х годов, стали больше всего любить и чаще всего "посещать" инакомыслящие, сторонники альтернативных моделей развития человеческого общества и антиавторитаристы: воображение "иных миров" согревает сердце надеждой на освобождение и служит орудием критики современного мира.

"Черная звезда".

ФАНТАСТИКА!

Хочешь быть свободным — будь!

"КАЗАНСКИЙ АНАРХИСТЪ"
издание
АЛЬЯНСА КАЗАНСКИХ
АНАРХИСТОВ
редактор Н.Писанова
пишите нам
420059 КАЗАНЬ А/Я 199

ТЕЗИСЫ АНАРХИЧЕСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Плюс Свобода, минус Власть

Мы — это Я и Ты, если Ты согласен со Мной. Мы — за мою и твою Свободу. Моя свобода равна твоей свободе. Моя свобода кончается там, где начинается твоя свобода. Границу между ними мы определим сами. Свободная личность - для нас высшая ценность.

Мы отрицаем Власть, потому что власть одного человека над другим - это насилие, пришедшее к нам от Зверя и возведенное в Систему. Единственно допустимая власть - это власть Человека над самим собой. Мы отрицаем Государственную Власть.

Мы отрицаем Авторитет, потому что любой авторитет претендует на объективную Истину, между тем как Истина - в каждом из нас и для каждого своя. Мы отрицаем право решать за других и говорить от их имени. Каждый отвечает только за себя.

Мы отрицаем насилие, потому что оно всегда заключается в ограничении Свободы и не может быть оправдано никаким авторитетом. Насилие, допустимое для защиты моей Свободы, не может быть средством преобразования мира.

Мы отрицаем Диктатуру, потому что она несовместима с идеей свободы. Ни диктатуры, ни теттора —кровь рождает кровь, смерть рождает смерть.
К свободе — через свободу!

Мы отрицаем самоценность демократии, потому что любая демократия — это власть большинства над меньшинством. Необходимая Личности как путь растворения власти в человеке, демократия — лишь средство.

Мы отрицаем классовую борьбу, потому что она ведет к гражданской войне. Зло — не в конкретных людях, а в системе власти, которая должна быть уничтожена. Нужно уничтожить власть, а не ее носителей.

Мы отрицаем шовинизм и квасной патриотизм, потому что они отделяют "достойных" от "недостойных", нарушая равноправие и свободу личности. Никто не вправе измерять достоинства другого. Мы отрицаем фашизм и национал-социализм. Тоталитарные системы, рождающие смерть, не имеют права на жизнь!

Это — тезисы Анархической Реформации.

Анархия — не хаос, не беспредел.

Анархия — свободное общество
на основе добровольного
договора.

Анархия — это не конечная цель.
Анархия — это тот путь,
который ведет к
свободе.

П. Александрович,
Санкт-Петербург